

DOI 10.15393/j9.art.2014.740

Юлия Николаевна Сытина

*кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,
Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)
yulyasytina@yandex.ru*

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА О ТАЛАНТАХ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО¹

Аннотация. Жизнь и деятельность В. Ф. Одоевского — писателя, государственного деятеля, ученого — были посвящены Родине, её культуре, науке, обществу. Определяющее значение в мировоззрении писателя имели Библия, прежде всего Евангелие, и труды святых отцов Православной церкви, собранные в «Добротолубии». Одной из важнейших и мироустроющих новозаветных притч была для Одоевского притча о талантах. О важности её свидетельствуют и полная самоотверженных и неустанных трудов на благо России жизнь писателя, и его дневники, произведения, письма. Одоевский был богато и разносторонне одаренным человеком, и его глубоко мучил вопрос о том, в чем же состоит истинное служение Богу и людям. Жизнь для писателя была полем брани, на котором человека подстерегают бедствия, неизвестность, самообман и самообольщения. Порою в произведениях Одоевского появлялись грустные размышления о тщете земного бытия, резко контрастирующие с его убеждением о необходимости активной деятельности и реализации своих талантов. Однако единственной, но твердой опорой для него всегда была вера в Бога и в Провидение.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, религия, Евангелие, «Добротолубие», притча о талантах, жизненный путь, человеческое предназначение

Князь Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) — один из виднейших деятелей русской культуры и образованнейших людей своего времени. Вся жизнь и деятельность его были посвящены служению Родине, её культуре, науке, обществу.

Смеются надо мною, что я всегда занят! Вы не знаете, господа, сколько дела на сем свете; надобно вывести на свет те поэтические мысли, которые являются мне и преследуют меня; <...> надобно двигать вперед науку; надобно выкачивать из-под праха веков ее сокровища. Там юноши не знают прямой дороги, здесь старики тянут в болото, надобно ободрить первых, вразумить других. Вот сколько дела!² — восклицал Одоевский в конце жизни.

Будучи потомком рода, восходящего к легендарному ваярю Рюрику и происходя по прямой линии от святого мученика князя Михаила Всеволодовича Черниговского, Одоевский, по словам В. А. Соллогуба, «стоял во главе всего русского дворянства» [3, 473]. Современники называли князя *Montmorancy russe* (Русский Монморанси) [1, 472]. Сам Одоевский относился к историческому имени, прежде всего, как к тяжелой ответственности и «избрал путь неустанного, необходимо-полезного служения обществу на любом поприще, какое бы ни предложила ему судьба <...> невзирая на насмешки, ропот недоумения, или даже негодование “толпы”» [5, 200].

Жизненный путь Одоевского — писателя-философа, государственного деятеля, ученого — могущий показаться лёгким и успешным при беглом взгляде, предстает в ином свете после знакомства с произведениями и, особенно, дневниками писателя. Одоевский жил напряженной внутренней жизнью, находясь в беспрестанном поиске решений как вечных, «проклятых» вопросов человечества, так и злободневных социальных и государственных задач.

Одоевский оберегал свой внутренний мир от посторонних взглядов и скрывал сокровенные мысли под маской чудака-мистика и ученого-философа. Вместе с тем определяющее значение в мировоззрении писателя имели Библия, прежде всего Евангелие, и учение святых отцов Православной церкви. О знакомстве Одоевского со святоотеческими трудами, собранными Паисием Величковским в четырёхтомном издании «Добротолюбие», и об их влиянии на него свидетельствует сам писатель в письме к Е. П. Ростопчиной:

Может быть, в Воронеже Вы отыщите книгу под названием «Добротолюбие». <...> В ней вы найдёте много высокого, отрадного, поэтического — много такого, перед чем исчезнут все ребяческие мнения английских и французских так называемых философов [4].

«Лучшей» книгой называет он Библию, в которой содержится все нужное для жизни человека, особенно в Новом Завете, который яснее Ветхого, ибо к символам первого надобно иметь некоторую привычку [4].

Одной из важнейших и мироустроющих новозаветных притч была для Одоевского притча о талантах. В дневнике 1842 года он пишет:

Не уж ли крест мой — жить в вечном вопросе! перерыть все, что позволяли силы, и не шагнуть вдаль ни пяди; видеть вечное столкновение должностей противоречащих, быть уверенным, что должно отдать свой талант в куплю и удвоить его и между тем беспрестанно бояться растратить его даром, страшиться каждого наслаждения и между тем не находить никакого, которое бы удовлетворяло моему духу. О! узок путь твой, Невыразимый! [2, 459].

Одоевского — человека богато и разносторонне одаренного — глубоко мучил вопрос о том, в чем же состоит истинное служение Богу и людям. Согласно святоотеческому толкованию притчи о талантах, в ней речь идет, прежде всего, о восхождении человека по духовной лестнице. Но подобное самосовершенствование невозможно вне деятельной жизни: «Нельзя жить без труда, и никто не венчается без подвига»³, — говорили преподобные Варсануфий и Иоанн.

Своим долгом как дворянина, человека образованного и облеченного определенным влиянием Одоевский считал мирское служение людям.

Если бы я не почитал грехом оставить свое призвание в этой жизни, и своевольно переменить данное Провидением, то давно бы бросился в какой-нибудь монастырь или пустынь <...> [2, 460] — писал он в том же дневнике 1842 года.

Однако в чем же состоит истинное служение человечеству: в поэзии искусства или в прозе жизни, то есть в литературе или же в государственной и общественной работе? Этот вопрос мучил Одоевского на протяжении не одного десятилетия и не раз отразился в творчестве писателя.

Отношение Одоевского к литературной деятельности в конкретных исторических условиях правления Николая I было сложным и неоднозначным. В «Петербургских письмах», опубликованных в 1835 году, Вячеслав, стремясь быть истинно полезным своему Отечеству, едва ли не с досадой говорит об одолевающем его «бесе поэзии», вопреки которому

он «твердо решил оставить литературу»⁴, так как хочет «служить — и служить в полном смысле этого слова».

Толкуй мне что хочешь про почтенное высокое звание поэта, ученого, про его обширный круг действия — все это справедливо, да не у нас, — пишет Вячеслав другу и поясняет, — Что у нас Литература? — Ведь охота же писать для тех, которые ничего не читают. Будь хоть семи пядей во лбу — твоё сочинение не перейдет за круг твоих приятелей и тех ещё надобно заставить тебя слушать или подарить им по экземпляру; у нас нет врожденного, произвольного стремления к просвещению⁵, — печально заключает герой.

Размышления Вячеслава носили глубоко автобиографический характер: в 1826 году Одоевский тоже попытался избавиться от «беса Поэзии» и посвятить себя государственной службе. Но сделать это ему удалось только двадцать лет спустя.

Однако же, если Вячеславу государственная служба кажется важнее литературы, то для коллекционера из «Себастиана Баха» история творчески одаренного семейства Бахов представляется много выше политической истории целого народа:

Здесь идет дело не о спорах удельных князьков за дюжину деревянных избушек, не о кунных мордках, но многочисленном семействе, в продолжение нескольких поколений сохранившем поэтическое чувство⁶, — высокомерно заявляет он своим слушателям.

Зачастую путем к обретению гармонии, своеобразным служением Богу и людям для одаренных героев Одоевского становится искусство. Великие композиторы из повестей «Последний квартет Бетховена» и «Себастиан Бах» наделены даром выражать «невыразимое»⁷ (курсив В. Ф. Одоевского), пробуждать в слушателях сокровенные чувства, «в храме Господнем возвышать души христиан духовною музыкою»⁸.

Совсем иной образ художника предстает в повести *Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi* [Труды кавалера Джамбаттисты Пиранези]. Особую роль в её понимании играет эпитафия (снятый в «Русских ночах»):

Этот артист, не найдя применения редким талантам, которыми он был одарен, увлекался тем, что рисовал воображаемые здания, громоздил строения на строения и изображал архитектурные массы, для возведения которых были бы недостаточны труды многих веков и доходы нескольких царств⁹.

Главная вина, и беда, Пиранези заключается в том, что он, увлечённый жаждой славы и земного бессмертия, ослеплённый грандиозными, исполненными гордыни замыслами, направленными не на преображение и улучшение мира, а на его переделывание, губит свои таланты, «закапывает их в землю» (Мф. 25:18). Пиранези ставит себя над миром и над законом, стремится не к созиданию Божьего храма, но к возведению Вавилонской башни.

«Русским Пиранези» назвал Одоевский в рукописи повесть «Бригадир», что играет немалую роль в понимании этого произведения и усиливает мотив пусто прожитой жизни, главный грех которой заключается в презрении даров, данных Богом, в том, что человек, погружаясь в животный сон или предаваясь страстям, зарывает свои таланты в землю.

Бригадир, пусто, в беспамятстве изживший жизнь и только на смертном одре внезапно прозревший, претерпевает невыносимые муки:

<...> страшная судорога потрясла мои нервы, и как завеса упала с глаз моих. Все, что тревожит душу человека, одаренного сильною деятельностью, <...> запылало в голове моей; предо мною раскрылась бездна любви и человеческого самосведения. Страдания целой жизни гения, неутолимые никаким наслаждением, врезались в мое сердце — и все это в ту минуту, когда был конец моей деятельности¹⁰.

Страшнейшим наказанием оказывается для Бригадира прозрение, осознание своего греха: «*Мое все со мною!*»¹¹ — восклицает он в отчаянии (курсив В. Ф. Одоевского).

Человек задыхается в пустом, лишённом высшего смысла мире; он либо ищет забвения в пороке, опускаясь на дно жизни, подобно юноше из «Насмешки мертвеца», либо приспосабливается к бездушному обществу, сам становясь неотъемлемой его частью. Такую судьбу выбирают красавица

из «Насмешки мертвеца» и Княжна Мими из одноименной повести.

Чтобы сохранить свою личность, найти место в жизни, реализовать таланты и выполнить свое предназначение, человек должен принять настоящее «духовное сражение»¹², как принимает его герой повести «Сильфида». В ней мотив нереализованных возможностей и загубленных талантов получает новое развитие. Михаила Платоновича одолевают разочарование и хандра. Ни наука, ни чтение книг не могут удовлетворить его метущийся в беспорядочных поисках дух. Героя мучит сознание собственной ничтожности, то, что он «кончил свой карьер»¹³, прожил жизнь впустую, ничего не добившись и не создав. Случайно ему в руки попадают сочинения алхимиков и каббалистов, и воображение Михаила Платоновича поражают «гигантские замыслы средневековых мудрецов, их вера в возможность достигнуть „до последних пределов человеческой силы“»¹⁴. Но грубая действительность разрушает фантастические мечты героя и окончательно засасывает его в пучину житейской суеты. В этой повести Одоевский показывает хрупкость мечты и болезненность веры, зиждущихся не на прочных основах религии, но на иллюзорных апокрифических книгах, которые способны разбудить душу человека и увлечь её в мир прекрасного, но не могут дать твёрдой, жизнестойкой опоры, просветления и покоя. Одоевский писал Е. П. Ростопчиной о различных мистических и неохристианских учениях как о том, что «изобретено людьми, которых тревожило беспокойное внутреннее чувство и которые, не следуя единому узкому пути, забрели в лабиринт безвыходный!» [5]. Тогда как, пишет он далее, существует только «один путь к душевному спокойствию, к истинной силе, к высокому наднебесному состоянию духа <...> Вера!» [5].

Жизнь была для Одоевского полем брани, на котором человека подстерегают бедствия, неизвестность, и, главное, могучий

...противник, более страшный, более взыскательный, более докучливый, более недовольный — *он сам*»¹⁵ (курсив В. Ф. Одоевского).

Порою в произведениях писателя появляются грустные размышления о тщете земного бытия, резко контрастирующие с его убеждением в необходимости активной деятельности и реализации своих талантов.

В «Ночи I» из «Русских ночей» Ростислава мучают мысли о несовершенстве и кажущейся абсурдности настоящего. Он с ужасом всматривается в действительность, в извечную «вражду», «смешение языков, казни без преступлений и преступления без казни», в ожидающие «на конце поприща смерть и ничтожество»¹⁶. Подобные размышления невольно наводят юного романтика на мысли о тщете человеческого существования, прямо перекликаясь с вопросами Екклесиаста: «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (Еккл. 6:12). И все же герой Одоевского находит выход — единственной, но твердой опорой оказывается для него вера в Бога и в Провидение.

К середине 1840-х годов служба, общественная и просветительская деятельность постепенно поглощают всю жизнь Одоевского. Свой уход из литературы, как и Вячеслав в «Петербургских письмах», писатель объясняет так:

В России еще нет ни отдельного пространства, ни отдельного времени для искусств. В такие эпохи отказываться от скучного, сухого дела для труда более привлекательного было бы при известной личной обстановке до некоторой степени эгоизмом, особенно теперь, когда Россия зажила новой жизнью <...>¹⁷.

Но оставив писательскую деятельность, Одоевский продолжал живо интересоваться искусством, внимательно следил за литературой и поддерживал молодых писателей.

В конце жизни, отвечая на полное отчаяния «Довольно» И. С. Тургенева, Одоевский напишет «Недовольно», где скажет с полным убеждением:

Прочь уныние! прочь метафизические пеленки! не один я в мире, и не безответен я пред моими собратиями <...> не умирает сотворенное мною, но живет в других жизнью бесконечною. Мысль, которую я посеял сегодня, взойдет завтра, через год, через тысячу лет¹⁸.

И теперь, в год двухсотлетию со дня рождения Одоевского, труды его, пройдя испытание временем, продолжают жить. Органичное стремление писателя к духовному просветлению, его понимание жизни как бесконечно разнообразного феномена, любовь Богу, человеку и человечеству наполняют творчество Одоевского непреходящей ценностью. Большое влияние на писателя оказали Библия, прежде всего Евангелие. Важнейшее значение для Одоевского имела притча о талантах. Она отразилась и в мировоззрении, и в жизни, и в творчестве писателя, где с особой остротой встают вопросы о ценности содеянного, полноте выполнения предназначения, о преумноженных или зарытых в землю талантах.

Примечания

- * Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-34-01225.
- 1 *Одоевский В. Ф.* Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Эксмо, 2007. С. 10.
 - 2 Добротолюбие. Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 1992. Т. 2. С. 577.
 - 3 *Одоевский В. Ф.* Петербургские письма // Московский наблюдатель. 1835. Ч. I, № 1. С. 57.
 - 4 Там же. С. 58.
 - 5 *Одоевский В. Ф.* Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит. 1981. Т. 1. С. 151.
 - 6 Там же. С. 169.
 - 7 Там же. С. 151.
 - 8 *Одоевский В. Ф.* Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi // Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980. С. 26.
 - 9 *Одоевский В. Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 75.
 - 10 Там же. С. 71.
 - 11 Там же. С. 292.
 - 12 *Одоевский В. Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 71.
 - 13 Там же. С. 71.
 - 14 *Одоевский В. Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 168.
 - 15 Там же. С. 35–37.
 - 16 *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М.: Гос. муз. изд-во, 1956. С. 517.

¹⁷ Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 318.

Список литературы

1. Ленец В. Ф. Приключения лифляндца в Петербурге // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский мир, 2006. С. 470–473.
2. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: В 2 т. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1. 621 с.
3. Соллогуб В. А. Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский мир, 2006. С. 473–475.
4. Турьян М. А. Владимир Одоевский и Лермонтов: К истокам религиозных споров [Электронный ресурс]. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/review/odoevskiy/002/175.htm> (дата обращения: 15.05.2014).
5. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни Владимира Федоровича Одоевского. М.: Книга, 1991. 400 с.

Yuliya Nikolaevna Sytina

*Ph.D. in Philology, Junior Researcher
Moscow Regional State University
(Moscow, Russian Federation)
yulyasytina@yandex.ru*

THE GOSPEL PARABLE OF THE TALENTS IN THE LIFE AND WORK OF V. F. ODOYEVSKY

Abstract. The life and work of Vladimir Odoevsky as a writer, a statesman and a scientist were dedicated to his Motherland, its culture, science and society. The Bible, especially the Gospel and the works of the Orthodox Fathers published in Dobrotolyubiye determined the writer's view of the world. The Parable of the Talents was one of the most important and key parables of the New Testament for Odoevsky. This importance is attested by the writer's life which was full of selfless and relentless hard work for the good of Russia, as well as his diaries, works and letters. Odoevsky was multi-talented person who was deeply concerned by the question of the essence of true service to God and people. Existence for Odoevsky was the battleground where distresses, uncertainty, self-deception and self-delusion lie in wait for an individual. Sometimes in Odoevsky's works appeared sad reflections about the vanity of carnal existence that deeply contrasted with his opinion about the necessity of active work and fulfillment of one's talents. However, the only firm support for him was always the faith in God and Providence.

Keywords: Vladimir Odoevsky, religion, the Gospel, Dobrotolyubiye, the Parable of the Talents, way of life, human destiny

References

1. Lents V. F. Prikllyucheniya liflyandtsa v Peterburge [Lifiander's adventures in St. Petersburg]. *Odoevskiy V. F. Zapiski dlya moego praprvnuka* [Odoevsky V. F. *The notes for my great-grandson*]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2006, pp. 470–473.
2. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V. F. Odoevskiy. Myslitel-pisatel: v 2 tomakh* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. *Thinker and writer in 2 Vols.*]. Moscow, M. and S. Sabashnikovs' Publ., 1913, vol. 1. 621 p.
3. Sologub V. A. Vospominanie o knyaze V. F. Odoevskom [Memoirs of Prince V. F. Odoevsky]. *Odoevskiy V. F. Zapiski dlya moego praprvnuka* [Odoevsky V. F. *The notes for my great-grandson*]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2006, pp. 473–475.
4. Turian M. A. *Vladimir Odoevskiy i Lermontov: k istokam religioznych sporov* [Vladimir Odoevsky and Lermontov: to the origins of religious disputes]. Available at: <http://odoevskiy.lit-info.ru/review/odoevskiy/002/175.htm> (accessed 15.05.2014).
5. Turian M. A. *Strannaya moya sydiba: o zhizni Vladimira Fedorovicha Odoevskogo* [Strange is my destiny: life of Vladimir Fyodorovich Odoevsky]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 400 p.